

Я познакомилась с Натальей Паниной в 2004 году на концерте одного из лучших исполнителей песен В.С. Высоцкого Геворка Далалояна. Сцена актового зала санатория «Крепость» в Кисловодске, где проходил концерт, была украшена портретами поэта работы Геворка, сделанными им во время единственного концерта Высоцкого в Кисловодске. Я увидела фотографию, где Владимиру Семёновичу Наталья Панина вручает цветы. Наташа оказалась в зале, и мы с ней познакомились. Она поделилась со мной своими воспоминаниями, но только через 15 лет эти воспоминания после публикации в газете Кисловодска Геворком были пересланы на мой электронный адрес. И эти воспоминания я передаю для всех королёвских любителей Высоцкого, читающих «Калининградку».

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА,
ВETERАН РКК «ЭНЕРГИЯ»

СОЛНЦЕ ПАМЯТИ О НЁМ БЛЕСТИТ СКВОЗЬ ТОЛЩУ ДНЕЙ

ЦВЕТЫ ВЫСОЦКОМУ ВРУЧАЕТ НАТАЛЬЯ ПАНИНА

Мне очень хочется рассказать об одном дне из моей жизни. Как он запомнился, если извлечь его сейчас откуда-то из сладких и тёмных недр памяти, где лежат неприкосновенно у каждого запасы счастья. Никому и нигде это не рассказывалось и не облекалось в слова.

Был хороший, тёплый, но уже осеннему тревожно-солнечный день. Осень 1978 года, 27 сентября. Около часа дня мы с Лилей шли в предварительные кассы за билетами на поезд. Выйдя из касс, мы пошли вверх к вокзалу. Слева — стенды филармонии. Скользя по ним взглядом, обжигаюсь на третьем: «Поёт Владимир Высоцкий». Сначала не понимаю ничего, потом ещё больше ошалеваю, досмотрев, что это же СЕГОДНЯ, в 15.00!!!

Через два часа! У нас! Поёт Высоцкий! Моё состояние и поведение далеки от мудрости, меня одолевают спешка, суета и тревога: да билетов, конечно же, не достать, какое там! А цена? Денег у нас не хватит... Нет, так не бывает, чтобы мы попали, мне ведь никогда не везёт... Всё это проносилось в голове, пока бежали в филармонию.

Буднично, тихо и пусто у касс. Да, билеты есть. Где будет? В музыкальной раковине. Цену не вспомнить. Может быть, по 2 рубля?

Всё было, есть, сбылось! Билетов купили четыре — ещё Жоре и Мише. И опять бежать, опять проблемы: их же ещё разыскать! Звоним в фотоцех. Все четверо работали в фотографии — я экономистом, Лиля в павильоне, Миша экскурсионным фотографом, а Жора на бассейне. Выложила всё захлёбываясь. Мы, ожидая, покрутились в центре. Раздумывали, кому ещё позвонить, но больше осчастливить было некого. Помню прибежавшего Жору, мы вместе пошли посмотреть на афишу — единственную на третьем снизу щите, на небольшом листе бумаги чёрной краской от руки три слова: «ПОЁТ ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ».

Здесь же купили цветы — три розы на недлинных стеблях (Господи, букет Высоцкому!). А других цветов подарено и не было. Потом Жора пробовал фотоаппарат, снимая клумбы между филармонией и кафе. Погода портилась, стало пасмурно, похолодало. Народу уже волновалось вокруг много. А первоначальное безлюдье, оказывается, объясняется тем, что афишу ещё не видели. КОНЦЕРТ БЫЛ ОБЪЯВЛЕН БУКВАЛЬНО ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ. Случайный, неожиданный.

О том, что концерты были в Пятигорске, мы тогда не знали. Короче, народу набралось полная раковина. Говорят, и вокруг народ был, и на деревьях. Мы зашли попозже, поджидали Мишу с портфелью, а он задерживался, в спешке потерял портфель с паспортом, фотоаппаратом и прочим. Пришёл, конечно, расстроенный (паспорт потом вернули, однако.) И очутились мы в задних рядах с правой стороны раковины. Не знаю, как сейчас, а тогда там стояли деревянные скамейки.

Начала концерта не помню. Кто-то под рояль пел куплеты, читали стихи. Совершенно неинтересно и ненужно — казалось мне тогда. Сейчас я бы с удовольствием вспомнила, кто приезжал с Высоцким, что они делали. Но тогда — дальше, дальше, скорее бы!

И вот он быстро прошёл по сцене к микрофону — маленький, стройный, гитара на перевязи. Начал с «Братских могил». Потом рассказывал о себе, о Таганке, о спектакле «10 дней, которые потрясли мир», о Любимове. И пел, пел, пел.

Как странно и удивительно было слышать хорошо знакомые, любимые, много раз слышанные песни, ещё и видя ЕГО. Потом потрясение после впервые услышанной «Всю войну под завязку...». Новых песен обрушилось много — одна другой поразительней: «Недострелянный», «Я полмира почти через злые бои...», «В ресторане по стенкам висят тут и там...». Но та, первая «...жжёт нас память и мучает совесть, у кого, у кого она есть...». Это потрясение незабываемое.

А его манера общаться с залом — такого ни до, ни после не было. Я это больше делаешь, но какая потрясающая простота общения с залом и абсолютно чёт-

кая дистанция. Как будто он по лем и притягивал и сдерживал. Простота в нём была та, что «просто, как всё гениальное», а не та, что «хуже воровства».

Потом мы с Лилей немного повывясняли: кто будет цветы дарить — обе боялись. Досталось мне, а она до сих пор простить себе не может, что отказалась. Жора фотографировал, захотел поближе подойти, и мы прошли в первый ряд: он с фотоаппаратом, я с цветами. В первом ряду человек подвинулся, чтобы мы сели. Оказалось, тогдашний директор филармонии Василий Игнатьевич Ещенко. После «Я не люблю...» пошла к сцене. Ног не было. Глаз, наверное, тоже, потому что лица Высоцкого, наклонившегося так близко, не видела. Только руку, коснувшуюся моей, запомнила. Неожиданно изящной, нежной и маленькой оказалась она мне.

— Спасибо вам, Владимир Семёнович, — прошептала я.

— Вам спасибо, девонька. Мне-то за что, я ведь ещё ничего не сделал, — прозвучало в ответ.

Дальше помню рассказ о Париже и кусочек песни «Мы, Вань, нужны с тобой в Париже, как в нашей бане пассатижи». Так захотелось услышать её всю! Помню зал, который перестал быть публикой, который дышал одним дыханием и вытянул вперёд шеи в едином стремлении видеть и слышать...

Концерт закончился. Распогодилось, появилось заходящее уже солнце. Мы вышли счастливые и ошеломлённые, не понимавшие ещё, что это первый и последний его концерт для нас.

У меня впереди была поездка в Москву, радость попасть на Таганку, увидеть «10 дней, которые потрясли мир», а у Жоры...

Тогда ещё никто не знал, что он создаст программу «Спасите наши души»,

станет Геворком Далалояном и на тридцать лет (и, наверное, до конца) свяжет свою жизнь с Владимиром Высоцким. Свяжет так, как, пожалуй, никто. И верно сказал Булат Окуджава:

По воле судьбы или случая

Я тоже растаю во мгле.

Но эта надежда на лучшее

Пусть светит другим на земле...

НАТАЛЬЯ ПАНИНА

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

ПЕСНЯ О ПОГИБШЕМ ЛЁТЧИКЕ
(отрывок)

... Он кричал напоследок,
в самолёте сгорая:
«Ты живи! Ты дотянешь!» —
доносилось сквозь гул.
Мы летали под Богом
возле самого рая,
Он поднялся чуть выше и сел там,
ну а я — до земли дотянул.

Встретил лётчика сухо
Райский аэродром.
Он сядил на брюхо,
Но не ползал на нём.
Он уснул — не проснулся,
Он запел — не допел.
Так что я вот вернулся,
вернулся, вернулся, вернулся,
Ну а он — не сумел.

Я кругом и навечно
виноват перед теми,
С кем сегодня встречаться
я почёл бы за честь,
Но хотя мы живыми
до конца долетели —
Жжёт нас память и мучает совесть,
у кого, у кого она есть...